

Яна Палеева

История,
которая...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Яна Палеева

История, которая...

«Автор»

2022

Палеева Я.

История, которая... / Я. Палеева — «Автор», 2022

ISBN 978-5-532-91348-6

История, которая могла произойти с каждым. Ведь так сложно поверить, что любовь всей жизни - вот она, живет с тобой в одном подъезде. Слишком просто, подумали они, и в поисках чего-то большего, лучшего в далеком 1995 году, от метро Китай-город, разбежались по разные стороны. Верили, что навсегда. Семьи, дети, карьера, иммиграция - кому в Лондон, кому в Калифорнию. И вот, почти через 30 лет - уютный отель в сердце Монпарнаса, вино, прогулки, осторожные воспоминания; потом, через несколько месяцев, - тихие, почти семейные вечера в курортном пригороде Лос-Анджелеса, и ностальгическим фоном - город на Волге, спальный район и два подростка, которым кто-то сказал, что первая любовь - это несерьезно. Недосказанная история... Каких сотни. Тысячи. И каждый решает для себя - дописать ли к ней пару счастливых страниц или... оставить все как есть...

ISBN 978-5-532-91348-6

© Палеева Я., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Париж 30.09.2022 – 3.10.2022	6
1	6
2	8
3	9
4	10
5	11
6	12
7	13
8	14
9	15
10	17
11	19
12	20
13	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Яна Палеева

История, которая...

Очень страшно начинать.

Первое слово в тексте это, на самом деле, точка в нереальной, сумасшедшей, восхитительной по своей дерзости авантюре, и поставить ее, значит признать, что впереди опять и снова – беспросветная тоска. И жалость к себе, к своей неслучившейся любви.

К жизни, которая вроде была, а вроде и нет.

Париж 30.09.2022 – 3.10.2022

1

...Я шла в толпе прибывших, стараясь не спешить, чтобы ты там понервничал, но чувствовала, как ускоряю шаг, лавируя между чужих сумок. Видела высоко, на втором ярусе, людей за стеклом, думала, что, возможно, встречающие там, и ты в этот момент уже разглядел меня в общей массе и рассматриваешь: хороша – не хороша.

Невольно подтянула живот и спину, посмотрела вперёд и поняла, что толпа уже разрядилась, и я вижу тех, кто стоит по ту сторону. Среди них ты, полсекунды узнавания, потом ты поднял ладони вверх, обозначая: Аня, я здесь.

Не заметила сама, как протянула руки навстречу. Как оказалась в твоих объятьях, как вдохнула запах твоих губ и не смогла избежать первого поцелуя, потом второго и уже думала, не смогу остановиться, но как-то удержалась, просто потерялась носом и уткнулась лбом в твою шею. Все это длилось секунды, но я провалилась на много лет назад, оглохла и чуть не потеряла волю; казалось, мы стоим тут на вокзале вечность, и пассажиры обтекают нас с двух сторон, как река Сена – остров Сите. А мы на нем, как изрядно подпаленный, но выживший в огне Нотр-Дам.

– Ну, привет.

– Ну, здравствуй, еле успел, а ты специально медлила?

– Да нет, я в седьмом вагоне, это серединка, там народу ещё столько же.

– Пойдем?

Потом рассуждения, как лучше добираться: на такси – час пик, простоим в пробках, на метро – тебе нужно разобраться, сам не понял, что куда. Говоришь быстро, видно, что волнуешься, но сам меня успокаиваешь: все, Анюта, выдыхай, ты уже здесь, поздно волноваться.

Говорю, нужно позвонить, роуминга у меня нет. Подключаешь свой роуминг, что-то говоришь про пароль, а я ничего не соображаю, цифры кажутся случайным набором, пока ты не уточняешь: «Да я не заморачивался, мой день рождения и год».

И только в этот момент я начинаю осознавать, что это и правда Гриша, мой Гриша, год рождения и вот эти 06.06. – это все о моем родном, важном, хорошем, живом и настоящем, и он стоит сейчас прямо передо мной. И объясняет, как пользоваться билетами на метро.

Поймав мой взгляд на очередь за ними: «Билеты я купил заранее». «Гриша, какой ты молодец! – искренне восхищаюсь я. «И не выбрасывай билеты, могут понадобиться в конце, меня вот не хотели к тебе пускать». Так и сказал: к тебе. Приятно.

... Сели в метро. Точнее встали. У противоположных от входа дверей. Поймала на мысли: как в Москве. Ни секунды не спускал с меня рук. Тискал плечи, прижимался шершавой бородой к щекам, касался губ. Говорил, говорил, не помню, да и не прислушивалась, о чем именно. Смотрела, впитывала, подставляла губы.

Вагон начал набиваться, нас вплотную прижали к стене с поручнями, ты оказался чуть ли не на мне: ни капли не возражала. Вспомнилось, как на Савёловской открылись двери, и я увидела тебя: вот так же стоишь у противоположных дверей и что-то читаешь. Почти 30 лет назад, чуть больше, чуть меньше, не важно. И вот теперь в Париже, не могу оторвать от тебя глаз.

Ты извиняешься и за маленький номер (пофиг, с тобой хоть в шкафу), и за долгую и не комфортную поездку в метро (да я рада быть зажатой с тобой в любой дыре, чтобы бедром прижиматься к твоему в надежде почувствовать, как твердеет у тебя в штанах). Ты колешь меня щетиной, а я мысленно – продолжай, не отвлекайся, меня давно так никто не касался.

Наконец наша станция, проталкиваемся к выходу (нет, это не Лондон – никто не освобождает нам проход), я вижу, как ты прокатываешь колёсиками чемодана по чьей-то ноге: merde, летит тебе вслед (точно не Лондон, там ещё и извинились бы).

2

- ... слушай, а у нас так сразу было?
- Насколько я помню, да.
- И ведь никто не учил, удивительно.

Мы целовались, не отрывая губ; едва касаясь, отзывались на чуть заметные движения, снова и снова, не сбиваясь с какого-то внутреннего ритма и ни разу не повторяясь.

Со стороны могло казаться, что ничего не происходит. Но происходило волшебство. Проверка на свой-чужой, которую мы когда-то с треском провалили. И сейчас, казалось, у нас появился шанс.

- Не могу оторваться.
- Я тоже.
- Я могу так целоваться вечно, – шептала я тебе в губы.
- И ведь ничего особенного, но, похоже, наш секрет в том, что мы одинаково целуемся.
- И это немало.
- Это очень много!

Ты держал мои волосы в кулаке, оттягивая голову назад и сильнее прижимаясь губами, до боли; потом ослабевал хватку и выпускал мой стон из опухших губ. «Еще, не останавливайся».

Потрясающее чувство, словно мы начали в 89-м: я закрыла глаза, а открыла в 2022-м. Жизнь длиной в поцелуй.

А что, отличное название. Надо продать.

3

Поиск такси около Лувра – безнадёжное занятие. Сумерки уже сгустились, и без очков вся эта воскресная суэта с рекламными огнями, светофорами, фонариками над кафе сливались для меня в одну картину – да, да, ту самую: размытый Париж с ярко-красными и зелёными деталями на пошлых картинках. Для романтиков тоже есть вариант – Париж Амели, кислотный красно-зеленый.

Множественные красные огоньки над крышами такси плыли в медленном потоке, когда над одной из них загорелся зеленый. Ты вскинул руку, но к машине, остановившейся, кстати, во втором ряду, уже бежала какая-то растрёпанная мадам.

«Не судьба», – подумала я, но у судьбы были другие планы и, получив отказ, дама ретировалась. «Монпарнас», это уже ты озвучивал заказ. «Oui, oui», – с легким арабским акцентом прозвучало в приоткрытое окно.

Какая-то музыка, треп шофёра по телефону, спящие стоп-сигналы, велосипедисты, ныряющие под крыло такси, узкие улочки со столиками почти на проезжей части, и люди, люди, – все это где-то там, в другой вселенной. А в моей: твой запах, рука на моем бедре, нежный поцелуй в висок и молчание, чтобы не разрушить волшебство момента.

По идее мы должны быть усталые вусмерть: мы гуляли весь день, мы почти ничего не ели, кроме утреннего круассана и небольшого омлета (вынужденная посадка в уличном кафе под навес с обязательным ланчем или проливной дождь – выбор очевиден). Но я знала, что как только мы войдем в нашу каморку, скинем обувь и куртки, ничто не остановит нас от поцелуев: сладких, дурацких, по-детски нетерпеливых, чтобы потом очнуться обнажёнными, такими красивыми и честными.

В тепле автомобиля, на твоём плече, со сплетенными пальцами и пульсацией («я здесь очень отзывчивая», «ах, да, одеяло» – диалог двух дебилов, третьим не понять) я уже с трудом сдерживала дыхание, чтобы не выдать себя стоном. Я уже и забыла, что можно кого-то так хотеть.

Да кому я вру, кого-то... Только тебя и можно.

4

... я стояла на коленях, и меня накрывала паника. Жуткий, ни с чем не сравнимый ужас. Где, где эта чёртова дверь?! Хотелось выть от отчаяния.

Я прошлась пальцами, до сантиметра изучив стену, но ни намёка на дверь, пока не опустилась на пол, в полубессознательном состоянии ища щель между полом и стеной: абсолютное непонимание, что происходит, навалилось на меня тошнотворной истерикой.

У панической атаки есть свойство: ты не понимаешь, что это именно она. Страх смерти, зашкаливающий пульс, попытки куда-то бежать, кричать: помогите, мне плохо, я сейчас умру, – все это было, но понимание приходит потом. А тогда я боялась лишь одного, что где-то здесь, в темноте, есть открытое окно, а я не понимаю, не помню, где оно!!! И ещё, откуда-то издалека, фоном, доносилось: это стыдно, стыдно, некрасиво. Не дай увидеть себя такой.

Меня трясло. Голова раскалывалась. Хотелось сдохнуть.

Но вот я сижу на полу в крошечной душевой, в той самой, дверь в которую я только что отчаянно искала, и рыдаю в голос: Гриша, Гриша, мне плохо. Ты проснулся, ты помог мне стряхнуть морок, не вникая в тонкости моего состояния. А кто бы вникал? Похмелье, отравление, никотиновая интоксикация – все это вписывалось в клиническую картину. Но главное, ты меня отвлек, разговаривал тихо, но твёрдо, и моя истерика вместе с тщетными попытками проблеваться почти сошла на нет.

Уже не колотило, дыхание приходило в норму и, о чудо, захотелось спать. Просто спать, забыв, как я выла от иррационального ужаса несколько минут назад.

Ты лежал рядом, мягко уговаривал: тебе надо поспать; ни приобнимая, ни даже касаясь. И я благодарна за это, иначе я бы задохнулась от стыда.

5

... в душевой жужжала бритвенная машинка, я раскладывала вещи в шкафу, попутно создавая месс на крошечном столе; задавала вопросы вслух: где эта зарядка, а носки, а куда я заныкала зажигалку? Нервничала, суежилась, не понимала, что я чувствую: страх, облегчение, желание бежать?

– Так лучше? – ты стоял в дверях с полотенцем в руках.

Всё в мелких красных точках. На подбородке и над верхней губой проступали крошечные кровавые капельки.

– Порезался?

– Говорю ж, с утра восемнадцать, бриться не умею.

Подошёл, провёл подбородком по моей щеке.

– Намного лучше, спасибо.

Поцеловала в мягкие губы, все ещё не понимая, торкает – не торкает. Подумала, какое удачное слово – пригубить: попробовать губы, как вино, на вкус, крепость, букет, пробудить воспоминания, после первого же глотка – выдохнуть, расслабиться, захотеть ещё. Или не захотеть. «С утра восемнадцать». А мне, стало быть, шестнадцать. Торкает. Хочу ещё.

6

... зачем мы начали этот разговор? Мы были так близко, чтобы все пошло наперекосяк. Прошли в миллиметре от катастрофы. Но вопрос был задан, хоть ответ я знала. Точнее, мне его уже давали, все в том же 2009.

Ты его повторил, почти дословно, и от этого он приобрёл все черты окаменелости, без живых эмоций и искреннего участия. Хорошо изученная, удобная формулировка, видимо, использованная до меня и не для меня многократно. И вроде обращался ты ко мне, но отчуждение, которое я в этот момент испытала, отбросило меня на почти невозвратное расстояние. «Аня, Аня, полегче, slow down».

Еда стала пресной, невкусной, и даже повторный разогрев не улучшил ситуацию. Я хотела знать, не почему женился, а почему именно на ней, вместо этого зачем-то начала рассказывать историю своего первого замужества. В том же стиле, с заученными подробностями, будучи уверенной, что я тоже повторяюсь. Зная, что половина неправда, половина скучно и в общем-то никому не интересно.

– Я ошибался, – подвёл итог, – испортил жизнь еще одному хорошему человеку.

Эта констатация отменила вопрос, который уже срывался с языка. Человек хороший, выбор, хоть и ошибочный, по твоему признанию, ты сделал, какая разница, не одна, так другая.

Словно услышав мои мысли или просто прочитав их на моем лице (это не сложно, с тобой я не умею притворяться):

– Важно не то, что было, какие обстоятельства привели в эту, финальную точку. Главное жить и действовать из них, как стартовых. Что есть, то есть, прошлое не отменить, не изменить. Я бы, например, хотел, чтобы сын, старший, был от тебя, но мы тогда вряд ли сидели бы здесь.

Но мы сидели здесь, в центре Монпарнаса, в случайном ресторанчике и насиловали свои уши. Я молчала, смотрела на безнадежно испорченные свиные ребра в тарелке; хотелось встать и уйти куда глаза глядят.

– Пойду свитер надену, ты никуда не уходи. Или, если надоест ждать, встречаемся в холле.

Отель в пятидесяти метрах, свитер – только предлог, чтобы скинуть морок и, вернувшись, забыть эти тягостные 15 минут.

Поднималась по крутой винтовой лестнице, пролетела до четвертого этажа, остановилась: Аня, ты чего творишь? У тебя что, времени до хрена? Ты сюда ехала, чтобы болячки ковырять или радостно, со вкусом и удовольствием, закрывать гребаные гештальты?

Выдохнула, открыла дверь, увидела скомканную постель, твой комп, недопитое вино в граненых стаканах, улыбнулась, вспомнив: да я и эту роскошь еле выпросил на ресепшн. Я здесь, с тобой, в Париже, а за окном суббота, и где-то в ресторане, с родным и страшно далёким названием «Одесса», томится в ожидании быть съеденной пресловутая фуа-гра.

Вышла на улицу. Всё-таки пошёл мне навстречу.

– А ты был без сумки?

Не помню дословно, что ты ответил, но, похоже, был мне благодарен: сумка действительно до этого была. И после тоже, успели сиротку забрать в семью.

– Вот и свидетельство, что меня изрядно кроет. В самые свои худшие времена, имею в виду будучи в дупель, никогда ничего не забывал. Анька, вот что ты со мной делаешь?

Сгреб в охапку, немного грубо, «с разбегу» поцеловал, потом просто обнял и мы постояли так немного, давая человеческим теням просачиваться сквозь нас.

Тема была закрыта. Нафига я ее открывала? Дурында.

7

... пересматриваю «Амели». В начале двухтысячных я фильм не поняла или не захотела понимать. Сейчас все смотрится совсем по-другому. А финальная сцена на мопеде если и не вызывает умиления, то уж точно не раздражает.

Узнаю стену кладбища, руины старого акведука, где мы бродили, карусель и лестницу Сакре-Кер и улыбаюсь. Там было хорошо.

...Мы ехали на Монмартр. Вещи собраны, брошены в отеле. В сумке красная беретка и очки. На всякий случай. Ядовито-зелёный шарф на шее. Ей-Богу, случайное сочетание, но маленькая глазастая брюнетка, спящая в моей душе, подсказала именно его.

На станции не было билетной кассы, перешли по улице через площадь, купили билеты. Все время держась за руки. Ладони, как и много лет назад, влажные, но, похоже, ты не замечаешь. «Меня в тебе ничто не раздражает», сказанное в другое время и по другому поводу, справедливо и сейчас.

В вагоне почти никого нет, сидения расположены непривычно: как в обычной электричке. Очевидно, когда-то были синими и яркими, сейчас затёрты до невнятного серо-бурого. Пофиг, садимся, ехать недалеко. Стучат колёса, не успев набрать разбег, поезд тормозит у каждого столба, объявляются станции, по-французски, по-испански, что звучит более чем странно. Та станция, которая «Зашибись», теперь вполне себе «Saint-Sulpice», даже жаль: нет новизны восприятия, есть узнавание.

Мы уже не голодные до касаний, ты не сжимаешь до боли мои плечи, я не боюсь отпустить твой взгляд – не растаешь, не испаришься. Но есть спокойная нежность в том, как ты гладишь мою ладонь, как касаешься щекой моего лба, иногда, словно случайно, целуешь по верх губ, и мне даже не надо поднимать на тебя глаза, я знаю, ты улыбаешься.

8

... Вечером в пятницу, после душа и поцелуев (я не умею ходить на трех ногах) вышли на первую прогулку. Взялись за руки, шли по навигатору в твоём телефоне, я курила на ходу. «Ты выглядишь, как француженка, которая вышла на променад. Эта небрежная прическа, шарфик, плащ. И тут я такой, калифорнийский оборвыш». Да ладно, иди рядом, я не стесняюсь. Ощущения и правда интересные, никакой неловкости, словно и не было этих лет.

Вышли на широкую улицу, наверно какой-то проспект; сетевые отели (типа Novotel или Ibis) с подземными стоянками и высоченными стеклянными фасадами после узких, шумных, как муравейник, улочек Монпарнаса – все казалось бы скучным, обычным, если бы не башня в перспективе, между домами и деревьями. Не думала, что она произведет на меня впечатление, но у меня перехватило дыхание.

Чёрт, я и правда в Париже!

Небольшая площадь с круговым движением, справа начинается ряд кафешек. В первой же плюхнулись за столик, буквально на входе, просто кофе и покурить. Даже название не прочитали, но оказалось – какой-то китайский ширпотреб, да ещё и без ужина не обслуживают. Окей, пусть будут спринг роллы.

Ты завёл часы на телефоне на 20.55 – чтобы не пропустить иллюминацию на башне. Началась некая суэта: мы уйдём, но вернёмся, возьмите сумку или телефон в залог, еду не уносите, мы за угол, на башню зырить и назад.

Мне не очень хотелось вставать, я устала и все ещё мандражировала, но мне передан твой энтузиазм, и я ничуть не пожалела: башня сияла как рождественская ёлка, в 9 вечера, в городе моей мечты, где я целуюсь с тобой на перекрёстке.

И вот кофе выпит, твоё пиво тоже, от роллов остались листья салата на тарелке, которые я норовила поддеть с кисло-сладким соусом (мне только казалось, на адреналине, что я не голодная, а ручонки сами так и тянулись).

...Берем за ориентир башню Монпарнас, медленно бредем в сторону отеля. Не стовариваясь, скрещиваем руки за спиной: твоя ладонь лежит на моём бедре, моя цепляется за край твоей джинсовки, и впервые мы оказываемся в такой близости, сливаясь движением в единое целое, не сбиваясь с общего ритма.

Синхронисты, блин. Как всю жизнь тренировались.

Пятничный вечер, столики, подростки на самокатах, разновозрастные парочки («Смотри, этим уже за шестьдесят, а он ей руки целует». «Они тут в Париже что-то такое распыляют наверно?»). Я вдыхаю это что-то, меня потихоньку накрывает, кажется, я сплю наяву.

Усталость, нервный отходняк, голод, мне восемнадцать, максимум двадцать. К чёрту подробности, город какой? Москва, девяносто второй-девяносто третий, ночная Лубянка, палатки с шаурмой, бомжи и общага. Держи меня крепко, не отпускай, а то меня совсем туда затянет.

9

... Успела проклясть и восхититься: премия самый чистый город Европы уходит Парижу¹, ура! И наконец-то: после бесконечных минут работы мусорных машин, визга, скрежета и грохота, наступила волшебная тишина, но сон, зараза, ушёл.

На часах 6 утра, получается, я спала не больше четырёх часов. Всю ночь держала тебя за руку или ты держал мою, но никакого неудобства или онемения, все очень естественно, словно так было всегда. Кажется, мы даже заснули в тех же позах, хотя последнее, что ты произнёс: «Оседлала, как пальму» о переплетённых ногах. Ага, значит все-таки во сне я развернулась к тебе спиной. Но руку не отпустила. Или ты не отпустил.

Тихо, хорошо, шуршит дождик, переговариваются первые прохожие. Окно открыто, но не холодно, смотрю, как ты спишь. Минуту-две, но понимаю, что я в этом ничего не нахожу. Никаких – ах, как это мило, смотрела бы вечно, проснуться в одной постели, шарман, шарман! Удивительно, ничего такого, простое недоумение – мусорки тебя не разбудили, мне бы такую нервную систему...

Хочу надеть наушники, но одергиваю себя – стоп, никаких музыкальных маячков. А то еду такая по трассе, бум – и рыдая, влетаю в отбойник. Да ну нах!

... Ты ещё спишь. После душа и утренних ритуалов выхожу в одних чёрных трусиках: никаких кружев, резинок, острых и режущих деталей – мягкий эластик приятно прилипает к влажной попе. Ещё вчера я выудила из твоей огромной сумки серо-полосатое поло, с твоего, естественно, разрешения.

Стою в нём у окна, слегка отодвинув шторы, впускаю утренний свет погулять по твоим волосам. Тебе не нравится, натягиваешь одеяло на голову, но сна не прерываешь.

Как же хорошо! Суббота, семь утра, впереди еще три дня. Облокачиваюсь на решётку окна, смотрю вниз: на краю контейнера с цветами у входа в отель сидит наш ночной портье и читает газету. Газету, Карл! Обычную, бумажную, многостраничную субботнюю газету. Мне с моего третьего этажа хорошо слышен шелест страниц.

Он сидит в пижаме, расслабленный, как сам утренний Париж. Дождик прошел, отель спит, до завтрака ещё час: некуда спешить, не о чем заботиться.

Аня, будь как он, этот прекрасный француз в пижаме, прекрати жевать мысли, выплюнь каку.

Обычный жилой дом напротив. Половина в лесах, строители вернутся в понедельник, и я еще успею насладиться их беззлобным переругиванием и лязгом металлических стропил. Но пока все та же тишина, пустота улиц, сонное качание занавесок в спальнях парижан, кашпо с геранью на балкончиках и одиноким самоубийцей кипарис на крыше, на самом углу, готовый к прыжку.

Интересно, как это жить в центре Парижа? Замечают ли они в суете дней калейдоскоп праздных любовников, обращают ли внимание на недвусмысленные телодвижения за небрежно задёрнутыми шторами? Или им плевать, как с Эйфелевой башни?

Не вижу, но чувствую (как говорят, пятой точкой?): ты на меня смотришь. Вроде ничего не изменилось, но пошла волна по спине, побежали мурашки по бедрам, напряглись ягодицы. Может, я просто замерзла, шутка ли, торчу тут полчаса, а ведь не месяц май?

Хочу проверить свою интуицию: изображаю физкультурницу, потягиваюсь, вдыхая с наслаждением. Поло ползет вверх, ягодицы оголяются, растет сладкое напряжение внизу живота.

– И заметь, никакого целлюлита.

¹ Тогда, в сентябре 2022, задолго до беспорядков и мусорных бунтов это было действительно так.

Проснулся, заметил; довольная результатом, не спешу оборачиваться.

– Выспался?

– Иди сюда, замерзнешь.

– Таки вже.

То ли иду, то ли замерзла, фиг разберешь.

Забираюсь к тебе под одеяло, стараясь не касаться ледяными ступнями. Доброе утро, Гриша. Наше первое утро. Рада тебя видеть. Очень.

10

...Мы доедали наши первые паштеты с горячим хлебом, от ощущения сытости и расслабихи меня окончательно развезло. Даже взгляд, и без того близорукий, отказывался фокусироваться на тебе, на вывеске отеля, даже на собственных пальцах, чиркающих зажигалкой.

Но горячий душ, казалось, придал мне сил.

Я вышла в своем длинном, до пола, ночном платье, буквально споткнувшись о твой растерянный взгляд. Да, я так сплю: мне холодно с обнаженной спиной, длинные полы с боковыми разрезами по бедру не сковывают движение, дают ощущение целомудренности и сексуальности одновременно. Глубокий вырез на груди почти ничего не скрывает, но ткань прилегает к телу настолько плотно, насколько это возможно. Близок каравай, да не укусишь.

– Вау, какая! – ни малейшей иронии в голосе, лишь немного замешательства.

– Какая?

– Красивая. Есть в этом что-то... – поискал в воздухе слово, не нашел, просто щелкнул пальцами.

– Викторианское?

Не знаю, чего ты от меня ожидал: безразмерной майки-алкоголички, корсета а-ля Мулен Руж с подвязками, обнаженки ли, но я всегда знала, что буду с тобой именно в нем. Еще с тех пор, как впервые разговаривала с тобой из лондонского отеля.

В моей памяти ты уже гладил меня сквозь этот обычный, без намека на вызывающую эротику, хлопок, проводил ладонями по хорошо заметным под тканью соскам, запускал руки под боковой разрез и скользил пальцами до живота.

Ты был хорошо знаком с этим платьем, только пока этого не знал.

Потом было шампанское из неудобных стеклянных стаканов, позирование вдвоем в зеркале («Иди сюда, обними меня за плечи, да, вот так» – склоняла голову, ловила в отражении черты тех двоих, что зафиксировались в моей памяти сильнее любой фотографии), потом невозможность разорвать поцелуй: стоя, сидя, наконец, лёжа...

Но стоило закрыть глаза, как все эти поезда, очереди, толпы людей, летящий за окном пейзаж, весь этот безумный день понеслись передо мной с отвратительной скоростью.

– Гриш, я правда хочу спать.

– Спи, – не отрывая от меня рук, все с большей настойчивостью прижимая к себе, шептал в ухо.

Дыхание горячее, знакомое и далекое одновременно. Когда-то, давным-давно, я чувствовала его жар на моей шее. Очень давно. Слишком давно.

– Шутишь? Как я могу спать, когда ты меня тискаешь?

– Я понимаю, но пойми меня тоже, я не могу тебя не трогать. И потом, ты обещала потерпеть.

Я помнила тот шуточный разговор, кажется, еще в июне («Раньше я говорила, оставьте меня в покое, не трогайте меня, а сейчас, – трогайте, трогайте, но желающих, увы, нет» «Есть желающие, есть, ты еще взвоешь» «Не волнуйся, три дня я потерплю»).

– Нет, правда, спи, я тут рядом полежу. Отстать не обещаю, но...

Ты потянулся выключить свет.

– Не надо, оставь, а то я совсем перестану понимать, что происходит.

Сейчас вижу, что никакой логики в моей просьбе не было, но оставаться в темноте вдруг стало страшно: мне нужно знать, видеть и понимать, что ты – рядом, и я с темнотой не окажусь одна в Париже, как когда-то в Волгограде. Видеть тебя, чувствовать всем телом, отзываться на прикосновения губ молчаливым согласием, не думая, будет ли продолжение.

Даже не так, боясь его, дразнить и отталкивать тебя.

Отпустить.

Довериться.

Отдаться.

Удивительно пошлый набор глаголов, но мне было все равно. Я так чувствовала, я этого хотела. Но пока не знала, смогу ли я.

Ты с силой сжал мою грудь. От боли и злости я, выдернутая из полудремы, резко села на кровати.

– Не надо так, мне больно.

– Прости, прости, я грубый мужлан, – может хотел пошутить, но я напряглась еще больше.

Села в полулотос, ноги спрятала под одеялом, молчу и жду. «Скажи, ну скажи, что не торопишь», – мысленно молю. Сел напротив меня, взял за руку:

– Анюта, ты не торопись, я подожду, ну насколько получится. Никто никому ничего не должен, на расслабоне, помнишь?

– Не могу на расслабоне, стараюсь, пока никак. Мне важно захотеть самой, чтобы голову снесло, чтобы ни одной мысли: как, зачем, а что потом...

– Не надо потом, давай сейчас. Хочешь спать – спи, не думай обо мне, я научился с собой договариваться. Пара минут, холодный душ и...

Что-то происходит со мной, я смотрю в твои глаза, я касаюсь пальцами твоего лица, внутри тихо и... вдруг возбуждение растекается по телу, резко, толчками, одновременно во всех направлениях. Голова, живот, диафрагма, горло.

Теперь я сама целую тебя, в ушах пульс как бешеный, а полулотос раскрылся в полный, и вот я уже обнимаю тебя ногами, раскачиваясь на твоих бёдрах. Я все чувствую, все твои договоренности с собой летят к такой-то матери, я уже не в силах ждать.

Словно кто-то в моей голове скомандовал: Можно!

– Даними ты их наконец!

– Да ладно!?

Кое-что я, конечно, забуду, что-то придумаю, но вот это твоё «Да ладно!?!» с удивительным выражением радости, недоверия, облегчения... Офигеть, как мне понравилось!

11

– Анюта, какая ты красивая, ты чудесная, ты это знаешь? – гладишь меня по волосам, нараспев повторяя имя, – А фотографии твои ужасные...

– Алле, гараж, а вот это было обидно, это были еще лучшие, и вообще я специально долго ничего не присылала, зная, что они...

– ...они ничего не передают, – заканчиваешь мою мысль, – ты совсем другая, ты офигенная, ты изнутри светишься.

– Я рада, что тебе нравится.

– Очень. Я ведь на вокзале волновался, вдруг увижу и... ничего... Ничего из того, что я... Может насочинял чего-то, а ты не такая, и что делать?

– Убежал бы?

– Да нет, притворялся бы...

– Ничего себе, а может ты и сейчас притворяешься?

Молча притянул к себе, вроде как для поцелуя, но вместо этого нежно потерся носом.

– Мы и носами трёмся, как тогда, – только и сказал, совсем не о том, но это и был ответ на мой, по сути, риторический вопрос.

– Ладно, я в душ, не смотри, – мне неловко, я впервые полностью обнажена и пока еще беззащитна. Блин, блин, блин... Мне 16 лет, и я тебя стесняюсь!

И добавляю (совсем не кстати):

– А ты знаешь, если кот и кошка занимаются сексом, а мимо пробегает мышь, то кот продолжит заниматься своим делом, а кошка побежит за мышью, – заканчиваю я, уже вставая под струю воды.

Тебе лишь бы спорить:

– Как же кот продолжит, если кошка убежала? – из душевой я едва слышу твои возражения.

– Вот ты зануда! – перекрикиваю воду, – речь о том, что кошки все всегда контролируют.

Тело красивое, плавное, мягкое, вода бежит по нему, унося остатки стресса вниз по трубам, я улыбаюсь и почти пою. Или на самом деле пою? Я улыбаюсь своим недавним страхам: а вдруг не получится? Но тело умное, оно все помнит, ему не нужна эквилибристика, никакие чудеса на виражах.

1989 год, 18 и 16, что они знали, эти дурные дети, а ведь у них все получалось. И что, собственно, изменилось? Тело немного повзрослело, но все помнит.

12

... Как я и писала: «Кладбища нам не избежать, в хорошем смысле». Вот оно, в минуте ходьбы от отеля. (Куда идти? – За угол и вдоль забора. Ты так все изучила? – А как же!). Я люблю бродить по кладбищам, и в этом нет никакой мистики. Ну, может самую малость.

– Есть что-то такое, что ты хочешь посетить, – спрашивал накануне.

– Ну, я обычно в любых поездках хожу на городские кладбища, в Праге была, в Брюсселе, в Москве, конечно... Очень понравилось в Крыму, караимское... жуткое...

– Зачем?

– Сложно объяснить. Ты спросил, я ответила. Считаю это моими ведьминскими заморочками.

На самом деле здесь просто очень тихо и малоллюдно, даже в огромном городе – это место, где я отдыхаю. И всегда чувствую, что мне здесь рады.

Я делюсь тем, что приношу с собой: что-то сладкое, алкоголь и монетки, а мне, в этом оазисе душ, возвращается душевный покой, каламбур мне в карму.

Очень ценю твою деликатность: рядом, но держишь дистанцию, вопросов не задаёшь, но отзываешься на призыв – тихонько комментирую что-то интересное, поддерживаешь. Не торопишь. Уважаешь мой странный выбор.

– Обычно я приношу водку, в таких, знаешь, сувенирных бутылочках, но вот нашла дома “Hennessy”, ещё из Дубая, думаю, для Парижа более чем подходит.

– Самое оно.

– ... ещё деньги и вкусенького, кому чего не хватает, чтоб не привязался никто.

Понимаю, что несую чушь, но с таким серьёзным лицом, словно рассказываю, как стирать шерстяные изделия, а ты не возражаешь, иронии не выражаешь, внимательно слушаешь. Как и два дня спустя мои инструкции по стирке и сушке свитера.

– Не хило они тут пожили, 80, 90...

– Да, я тоже заметила.

Пинаю листья, перешагиваю корни платанов: их мощные пятнистые тела преграждают путь, молчаливо, как и положено деревьям, осуждающе (как вроде бы им не положено?) нависают надо мной.

Хорошо, но не то. Тихо, но не благостно. Скучно. Никак. Надо двигать к выходу, время только теряем.

Ищу тебя глазами: ты уже далеко. Прищурившись, смотрю, как плывёт дым от твоего вейпа, хочу уловить его запах, но сладкая влажность кладбищенской земли забивает ноздри.

Нет, не сегодня. Не прет.

Хочу бросить остаток монет в ближайшее кашпо с жухлыми цикламенами, невольно смотрю на памятник и застываю.

Свадебный портрет на мраморе: она в белом строгом платье, простого, даже скучного покроя, он – в военной форме. Стоят лицом к лицу, в соединенных на уровне груди руках – цветы.

Они смотрят друг на друга, им не до нас, живых и праздных. Они, зажатые в тесноте мраморной плиты, кажутся свободней меня, и уж точно – счастливее. Не могу оторвать от них взгляд, в горле собирается ком, ноги тяжелеют и прирастают к гравийной дорожке.

Ну вот, теперь оно, то самое. Ради чего я пришла. Нет, вам не нужны ни мелочь, ни конфеты, ни алкоголь. Это мне нужно было увидеть в этих переплетенных руках добрый знак, обещание, которое, я уверена, никогда не исполнится. Но... теперь я точно знаю, – здесь, в Париже, со мной все будет хорошо.

Я под их защитой.

«Я постараюсь сделать все, чтобы тебе понравилось, чтобы ты не пожалела» – «Сделай».

13

Таксист высадил нас у подъезда.

Ярко освещённый квадрат, внутри лестница и дверь во внутренний дворик. Пока мы ждём Вадика, успеваем немного замёрзнуть, хоть и стоим обнявшись. Наверно, это нервное. Я впервые за долгие годы встречаюсь с кем-то мне незнакомым, у меня приступ интроверсии, но я надеюсь, Вадик меня вспомнит. «А Гриши нет, он на Сахалине, я поставлю чайник. Хотите пельменей?». Я помню. А он сказал, как отрезал: нет, не помню.

И правда, с какой радости? Мало ли девочек обивало пороги 207-ой? Это для меня пельмени, замершей, до слёз растерянной – куда мне теперь идти, в ночь? – не просто жест доброй воли, это память о том, что я была смелой, наивно-упёртой, живой, в конце концов.

Я делала тогда, что хотела, брала, что считала своим, невзирая на Сахалин, разных девочек, «я вряд ли смогу встретить и принять тебя», закрытые двери и непонятное выражение твоих глаз: то ли усталость, то ли раздражение – Ань, блин, не до тебя.

Да он просто живой свидетель моей юности и свободы, упрямого: мой Гриша, я никому тебя не отдам. А он – не помню. И я скисла, потеряла ориентир: что я здесь делаю?

Сидим за столом: хорошее вино, румынские огурцы, хрустящие, с пупырышками (как же я по ним соскучилась!), разнообразие сыров. Попытка их нарезать была пресечена Ольгой, хозяйкой.

– Каждый отрезает вот этим ножом, сколько ему надо. Удобно и излишков нет.

Колбаска, наоборот, порезана Вадиком на изящные кругляшки, руки сами так и тянутся.

Идёт милая перебранка: «А почему хлеб сладкий?» – спрашивает Оля. «А какой был» – отвечает Олег. «Воскресенье же, магазин уже пустой» – подводит итог Вадик.

Неловкая пауза, но тема котов и детей активизирует беседу.

– Аня, а вы в Англию по работе попали? – вопрос от Оли после упоминания Шеффилда и Кингз Колледж Лондон.

Черт, Гриш, ну вот что они обо мне думают? Ты хоть что-то сказал, как-то объяснил: кто я, зачем и почему? А то привел какую-то девицу, живёт с ней в отеле, Аня то, Аня это, а она такая:

– Да замуж я вышла за англичанина, собственно, я и сейчас за ним. Парам-парам-пам!

Почему мне до них какое-то дело? Должно быть пофиг, ан нет, вспыхнула, как девочка.

– Эээ, – мямлю, – так сложились обстоятельства...

Ответ никто не слушает: из-за дверей выходит трехцветная кошка, все внимание на нее. Старенькая, но еще красивая, яркая, растягивает свое тельце на твоей куртке, брошенной на кровать. Хозяйка.

Оля что-то рассказывает про клошаров, чрево Парижа, каким-то образом перескакивает на Булгакова с его ИванВасильичем. Ты ее направляешь в парижское русло: А вот мы с Аней сегодня... Бла-бла... Аня спрашивала меня... Бла-бла...

Обозначаешь моё присутствие, спасибо, а то я уже готова слиться с кошкой в единое существо, провалиться в ее совьи глаза и затихариться. Заметил, что мне не по себе.

– Ну, мы пойдём, завтра рабочая неделя, и вам всем к станку.

Никто не смеет нас задерживать.

Фотографии для отчетности сделаны; говорим о том, как вызвать такси, потом попытка восстановить Uber, тщетная, поэтому полная инструкция от Оли: налево от подъезда, прямо на башню, до первого большого перекрёстка. Вариант – либо поймать, либо найти на стоянке.

Я сижу в твоей куртке, наброшенной на плечи, в низком старте. Никто меня не замечает, туки-туки, я в домике. Гриш, приди и спаси меня, Рапунцель уже готова разреветься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.